

Потому что они дети...

Барбара Колорозо

Дети этого достойны только потому, что они дети

М., Фаир-пресс, 2003.

Ответ на вопрос о том, что же такое воспитание, найдется, пожалуй, у каждого из нас. И зависит он в первую очередь от того, как воспитывали нас самих. В разные времена и в разных культурах цель воспитания понималась по-разному: от создания послушной человеческой единицы до воспитания независимой личности, способной отвечать за свою жизнь.

Барбара Колорозо получила педагогическое образование, готовилась у францисканцев к принятию монашеского сана. Ее принципы сложились не в кабинете за письменным столом — она воспитывала собственных детей и работала педагогом. Она не желала манипулировать детьми, ее не устраивал принцип кнута и пряника.

Барбара предлагает такие три принципа: «Дети этого достойны только потому, что они дети», «Я не буду обращаться с ребенком так, как не хотела бы, чтобы обращались со мной», «Если выработанный воспитательный метод не унижает ни вашего достоинства, ни достоинства ребенка, значит, этот метод эффективен». Цель воспитания — помочь ребенку разобраться с тем, что такое хорошо, а что такое плохо, и дать ему возможность самому принимать решения. Постоянный контроль не дает сложиться таким качествам, как ответственность, гибкость и избирательность в поведении, — ребенок привыкает делать так, как ему скажут.

«Вырастить ребенка — все равно, что возродить заброшенную деревню» — в этой африканской поговорке большой смысл: ребенку, как и деревне, нужно только помочь встать на ноги, а потом он должен иметь возможность жить сам. И хотя все родители, наверное, готовы на словах согласиться с этим, воплотить такой подход в жизнь оказывается не так простым делом.

Поощрения и награды, угрозы и наказания — это лишь способы удержать ребенка в постоянном страхе и зависимости. Эти способы формируют поведение, направленное на то, чтобы угадать рамки допустимого и ожидания других людей.

В книге описаны несколько способов сказать ребенку «Нет», прямо ему не отказывая. Например, можно сказать: «Да, но попозже» или «Я

должен быть уверен, что это действительно необходимо». Говоря так, вы учите ребенка обосновывать свои просьбы. И, не идя всякий раз у него на поводу, все-таки не произносите слишком часто «Нет».

Заметим, впрочем, что книга не претендует на то, чтобы стать непосредственным руководством к действию. Она прежде всего побуждает к размышлению, к выработке собственной воспитательной философии.

Глейд Кертис, Джудит Шулер

Первый год вашего ребенка: неделя за неделей

М., Фаир-пресс, 2004.

Рождение ребенка приносит в дом радость, но также хлопоты, тревоги и бессонные ночи, особенно, если это первый ребенок. К этому событию готовится вся семья: делаются всевозможные покупки, перестановки в доме, перемещение всех мелких и опасных предметов в недоступные места. Все это необходимо делать с умом, учитывая потребности и возможности маленького ребенка, которые будут стремительно меняться в течение первых лет жизни.

Совсем не удивительно, что многие молодые мамы волнуются, не представляя себе, как обращаться с малышом, что делать, когда он плачет, как понять, не заболел ли он (или это просто режутся зубки?). Все вокруг с удовольствием дают полезные рекомендации из собственного опыта или просто где-то услышанные или прочитанные. Как не запутаться в многообразии информации и понять, что действительно важно, а что просто проявление излишней тревожности? В книге собраны рекомендации по уходу за ребенком в первый год жизни; многие из них довольно простые, но когда они вдруг оказываются нужны, мы часто не успеваем подумать спокойно.

С книгой можно сверяться, наблюдая, как идет развитие малыша. Есть в ней специальная таблица, в которую включены важные вехи развития; она подсказывает, что и когда должно происходить: когда начинают резаться зубки, когда ребенок начинает переворачиваться на живот, когда садится. На нее полезно ориентироваться, помня, однако, что один малыш развивается немного не так, как другой.

В книге есть полезные советы насчет того, как подготовиться к рождению малыша: как обустроить

детскую, что необходимо приобрести в первую очередь, а что может подождать. (Так, кроватка становится необходимой только тогда, когда ребенок начинает садиться, а до этого, по мнению авторов, он может спать практически где угодно: в коляске, в люльке или даже в корзинке!)

Очень подробно описаны первые 48 часов жизни ребенка, то есть именно то время, когда молодая мама уже должна кое-что делать, но еще не очень понимает, что и как.

Книга составлена таким образом, что каждой неделе первого года посвящена отдельная глава. Например, на 21-й неделе дети, как правило, начинают проявлять интерес к питью из чашки, — а значит, пора покупать специальную чашечку с носиком, из которой и пить удобно, и пролить питье трудно. На 30-й неделе ребенок уже самостоятельно садится и сидит без поддержки, может встать на ноги и начинает искать упавшую или спрятанную игрушку... Конечно, все это не так жестко, но как некоторый ориентир, безусловно, послужит службу.

В конце книги дан словарь медицинских терминов, упомянуто о тех заболеваниях, которые могут ожидать ребенка.

Генри Клауд, Джон Таунсенд

Дети: границы, границы... Как воспитать у ребенка чувство ответственности

М., Триада, 2005.

Как часто нам приходится сталкиваться с безответственностью друзей или коллег! И это очень порой раздражает нас. Но откуда взяться ответственности у взрослого человека, если ее не воспитали в нем еще в детстве? Кстати, отсутствие этого важного качества сказывается не только на окружающих, но и на самом человеке.

Книга рассказывает о необходимости соблюдения определенных границ в отношениях с детьми. Они помогают нам стать хозяевами собственной жизни и научиться нести ответственность за то, что мы делаем. С этой книгой полезно было бы познакомиться не только родителям и педагогам (которым она, собственно, предназначена), но и самим детям, — она поможет им построить границы своего личного пространства.

Книга состоит из трех разделов: «Почему дети нуждаются в границах?», «Десять принципов формирования границ, которые необходимо знать

Снег в Хелме и сверчок

детям» и «Возводим границы в отношениях с детьми», в которых рассматривается проблема влияния границ на развитие личности ребенка и на формирование ответственности.

Авторы книги полагают, что большинство наших проблем — результат слабости нашего характера. Поведение ребенка — реакция на поведение родителей; трудные дети не рождаются такими, они такими становятся, и чтобы этого избежать, совершенно необходимо правильно построить свои отношения с ними с самого начала. Плохое поведение сплошь и рядом создает проблемы родителям, но не самому ребенку.

Исаак Башевис Зингер

Сказки

Перевод О. Мязотс. Художник В. Меджибовский.
«Текст», 2005.

Исаак Башевис Зингер

День исполнения желаний. Рассказы о мальчике, выросшем в Варшаве

Перевод О. Мязотс. Художник Ф. Бух. «Самокат», 2005.

даже самого лучшего качества. Иначе можно потерять ориентацию в реальном пространстве и времени. «Мама, а дедушка с Наполеоном воевал?» — интересуется коллекционер биониклов. Дедушка (точнее, прадедушка) не воевал с Наполеоном. И, наверное, в возрасте правнука даже не слышал про него. Зато его бабушка рассказывала ему сказки, от которых произошли все фэнтези. Сказки разных народов так же похожи друг на друга, как похожи друг на друга все люди, и так же непохожи, как не похож один человек на другого.

Жил-был когда-то, в начале XX века, в городе Варшаве, на нищей Крохмальной улице один еврейский мальчик, который очень любил слушать и сочинять сказки, так что был и небось путались у него в голове, а когда он стал большим, то из этой путаницы выросли замечательные книги и их автору присудили Нобелевскую премию. В России тоже любят Исаака Башевиса Зингера (1904–1991), на русском языке издаю немало его романов и новелл, а вот детские книги появились совсем недавно. Почти одновременно в двух разных издательствах, но переведенные одной рукой, вышли в свет «Сказки» и «День исполнения желаний». Рассказы о мальчике, выросшем в Варшаве». О переводе хочется сказать особо. Зингер писал на идише и сам себя переводил или, точнее, вторично писал свои произведения по-английски. Ольга Мязотс с английского его рассказы и сказки и перевела, сохранив при этом мелодию идиша, языка европейского еврейства, а в сказках еще и фольклорный строй, так что, не взглянув на обложку, их можно принять за народные.

Пряный идиш вплетается во все языки нашей цивилизации, при том, что сам язык практически исчез вместе со своими носителями. «Я посвящаю эту книгу, — пишет Зингер в предисловии к «Сказкам», — всем детям, которым не дано повзрослеть. Виною тому бессмысленные войны и жестокие преследования, которые опустошали города и обрекали на смерть невинные семьи. Я надеюсь, что, когда читатели этих сказок станут взрослыми мужчинами и женщинами, они будут любить не только своих собственных детей, но всех добрых детей в этом мире».

Больше трагические события Холокоста не упоминаются в книге ни разу, но в этом месте любой внимательный ребенок непременно спросит: «Кто опустошал? Кого преследовали?», и хорошо бы каждый взрослый нашел слова, чтобы рассказать о детях Корчака, жив-

Уже несколько поколений детей возвращено на фэнтези. «Купи мне пепси с Джидаем!» — просит пятилетний малыш ошарашенную бабушку, не понимающую, на каком языке он говорит. Бабушка ведь не смотрела «Звездные войны» и не знает, что за морщинистая рожа скалится с запотевшей бутылочки.

Этой бабушке еще повезло. Потому что другая на вопрос: «Что тебе, милый, подарить на день рождения?» — услышала от такого же малыша: «Подари мне парочку тахлоков или гахлоков, а кирки и канки у меня уже есть». Это, если кто не знает, племена биониклов, сборных роботов, про которых можно часами и сутками смотреть на компьютере огулительные и ослепительные фильмы. Впрочем, кажется, это уже вчерашний день. Что читают, смотрят, во что играют детишки сегодня, не могу сказать точно — отстала от жизни.

Я ничего не имею против фэнтези. Сама, уже во вполне сознательном возрасте, зачитала до дыр «Властилина колец» (разумеется, в переводе Муравьева и Кистяковского) и абсолютно уверена в художественных и воспитательных достоинствах этой эпопеи, которая не зря же писалась в то время, когда в мире происходила подлинная, невыдуманная затяжная схватка света и тьмы, — в годы Второй мировой войны. Также и «Хроники Нарнии» Льюиса, и «История, конца которой нет» Энде содержат полезные для детских душ витамины.

Но душе, как и телу, для гармоничного развития нужна разнообразная пища, и читательское меню не может состоять из одних только фэнтези, пусть

Иллюстрация
Вадима
Меджибов-
ского
к «Сказкам»

Так пусть проблемы возникнут и у него! Его можно лишить сладкого, отказаться идти с ним в парк на аттракционы, запретить на время подходить к телевизору...

Мы хотим, чтобы дети совершали взвешенные, обдуманые поступки. Для этого им придется учиться отвечать за что-то, у них должна быть возможность чем-то управлять. Мальшам часто кажется, что они могут всё; надо дать им понять, что они не всемогущи, но и не беспомощны.

По мнению авторов книги, взрослый и сам должен держаться в определенных границах — иначе он не сможет научить ребенка выстраивать свои. Дети часто ориентируются не столько на слова родителей, сколько на что-то намного более глупое и менее уловимое.

Анна Безингер

на Крохмальной улице

ших на той же Крохмальной улице. Это им в первую очередь посвятил свои сказки Зингер, их тени, хотим мы того или не хотим, витают над каждой страницей... Войн и жестокостей на свете всегда было и до сих пор остается предостаточно, но, возможно, было бы еще больше, если бы не усилия сказочников и не жадность детей до живых, несинтетических, неустаревающих сказок.

Никто никогда не сможет ответить на вопрос, куда делись те мальчики и девочки, которыми были мы сами. Скупной ответ, что они превратились во взрослых, не может быть правдой. Материя детства неистребима, как музыка, и оживает всякий раз, когда умелый музыкант берет в руки смычок. Именно это подразумевал Зингер, когда писал: «Для детей время так же непостижимо, как для взрослых. Куда исчезает прошедший день? Где все наши вчера с их радостями и огорчениями?.. Для рассказчика вчера по-прежнему рядом, так же, как ушедшие годы и десятилетия. В рассказах время не исчезает. Не исчезают ни люди, ни звери. Для писателя и его читателей все персонажи продолжают жить вечно...»

Вечные сказочные сюжеты, вечные герои никогда не надоедают и всегда понятны. Объяснили на последней странице, что такое Ханука да что такое дрейدل, ханукальный волчок, а больше комментариев не требуется. Нечистая сила так же морочит добрых евреев в ночь перед Ханукой, как православных крестьян перед Рождеством где-нибудь на хуторе близ Диканьки. Вражина — он вражина и есть, его хоть в Варшаве, хоть в Гамбурге, хоть в Копенгагене узнать легко: он не отбрасывает тени! Но храбрецы всегда найдут на него управу, например прищемят хвост да подпалят свечой, как мальчик из сказки «Козни дьявола». Местечко Хелм, видать, сродни какому-нибудь Пошехонью или Габрову — оно «славится своими дураками». Выпал раз в Хелме снег — ну, чистые «жемчуга-бриллианты». Так хелмские мудрецы, чтоб такое богатство не затоптали, всем через гонца передали приказ: «Не вздумайте по улицам шлёндраТЬ!» А чтобы гонец и сам следов не оставлял, его на стол поставили и каждую ножку стола нес отдельный носильщик. Получилось не очень хорошо, решили в другой раз нести тех, кто несет стол, чтобы не так наследили. Рядом с первым на весь Хелм Шлемилем-недоптепой, пожалуй, некого и поставить, зато хитрый Тоди, сначала уверявший богача Лейзера, будто его серебряные ложки дают приплод, а потом заявив-

ший, что скончался его серебряный подсвечник, прямо-таки подмигивает Ходже Насреддину. Ну а историю про козу Злату, спасшую своим теплом и своим молоком маленького Аарона, который пережил с нею вместе метель в стог сена, и сказкой не назовешь, но уж очень органично эта коза, эта метель и этот мальчик вписываются в созданный Зингером волшебный зимний мир. Весь этот мир с чертями, мудрецами, шлемилями, козами и снегом существует не только в словесных образах, но и в линиях и красках Вадима Меджибовского. Его иллюстрации — не просто картинка к сюжетам, они соответствуют тональности и колориту текста и, так сказать, удваивают художественную ценность книги.

Сказки Зингера — отличная увертюра к его автобиографическим рассказам. Мальчик, выросший в Варшаве, был сыном и внуком раввина, книги заменяли ему игрушки, он никогда не был в деревне и не видел никакой живности, кроме лошадей, бабочек и мух, зато голова его была полна вопросов: «Что случится, если птица все время

будет лететь в одну сторону? А что будет, если построить лестницу от неба до земли? Есть ли у времени начало? И с чего оно началось?» Щемящее противоречие между безмятежной вечностью детства и взрывающим ее временем — это, можно сказать, жанрообразующий конфликт автобиографической литературы. Каждое детство трагично именно потому, что мы неизбежно его покидаем. И каждое трагично по-своему, поскольку протекает в разных исторических рельефах. Выстрел в Сараеве, война и революция, голод и тиф резко ускорили взросление десятилетнего философа.

Рисунки Феликса Буха к книге «День исполнения желаний»

Первые воспоминания относятся к трем годам, к путешествию из Радзимина в Варшаву: огромная река Висла, невероятные существа — трамваи и ловкие воры, в первый же день укравшие чуть ли не весь домашний скраб семьи раввина. Действие рассказа, давшего название всему сборнику, — «День исполнения желаний» — происходит несколько лет спустя, это тоже воспоминание о путешествии. Ведь путь с Крохмальной на Маршалковскую ведет не только с одной улицы на другую, но из одного мира в другой. Рыжий пейзажный мальчишка, ошалев от счастья, угощает сладостями лошадей, лебедей в парке и чистеньких девочек-полек, сто-

ронящихся его, как пугала.

Если последняя в книге сказок история о козе служит переходом к рассказам о детстве, то последний из этих рассказов, «Шоша», возвращает в сказку. Рассказчик тут — взрослый человек. Перед отъездом в Америку, в эмиграцию, он заглядывает на Крохмальную улицу и находит в доме подружки Шоши, которая умела понимать сверчков и домовых и слушала его собственные затейливые выдумки, ту же девочку (вернее, ее дочь Башу, как две капли воды похожую на мать). «И тут я услышал песенку сверчка. Неужели это тот самый сверчок? Нет, конечно. Наверное, это его пра-пра-правнук. Но песенка-то все та же. Старинная, загадочная, как мир, и бесконечная, как темные ночи в Варшаве».

Знание о дальнейших, выходящих за пределы книги, событиях заставляет читателя мысленно продолжить судьбы того, кто уезжает, и тех, кто остается... В книге об этом ничего нет. Девочка со сверчком — последняя ее картинка.

Наталья Мавлевич